

ОБЛИК УЧЕНОГО (ТВОРЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ)

**Виталий
Васильевич
Журавлев:
«Я — вузовский
человек!»**

Журавлев Виталий Васильевич (родился 1931) — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и политической философии Московского гуманитарного университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Академии гуманитарных наук.

Один из крупнейших специалистов в области социальной философии, культурологии и политологии. Имеет 237 публикаций, в том числе 10 монографий. Является почетным профессором Московского гуманитарного университета, в котором работает 22 года.

Представляем беседу с ним.

— Виталий Васильевич, Ваши коллеги три года назад, посвящая Вашему 70-летнему юбилею сборник, написали очень теплые и даже поэтические слова о том, что Вас даже в толпе невозможно не заметить, невозможно не услышать. В том числе и превознесли и Вашу фамилию — Журавлев, как бы «уносящую ввысь»... Откуда Ваш род?

— В юбилейном сборнике, как всегда, юбилейные преувеличения.

Как и все мы, я слежу за событиями на Украине¹. Но у меня еще своя, индивидуаль-

ная причина: мои предки, фамилия которых была — Журавель, родом оттуда.

В период Первой мировой войны они беженцами переселились в Оренбургскую область. И таких было много. Село Владимировка — русское, а рядом был украинский хутор. Там я и родился.

Село находилось в 60 километрах от города Оренбурга. Хотя 60 километров — это немного, но мне тогда казалось, что это очень далеко. Во время войны на волах могли ехать долго-долго, суток двое.

Так что я — деревенский. С теплотой всегда вспоминаю детские годы. Окончил школу в Оренбурге и поступил там же в пединститут в 1949 г.

— Кем были Ваши родители?

— Мой отец Василий Дмитриевич был участником Великой Отечественной войны. После войны много лет был начальником областных статистических управлений в Оренбургской, в Костромской областях. Мама Евдокия Алексеевна была домохозяйкой, имела 3–4 класса образования. Но при этом она была удивительно мудрым человеком, прочитала много книг за свою большую жизнь. Отец умер в возрасте 82 лет, мама на 92-м году.

— Большая семья была у родителей?

¹ Выборы главы государства на Украине в ноябре 2004 г. вылились в длительное противостояние власти и оппозиции, которое получило название «оранжевой революции» и привело к повторным выборам президента в декабре 2004 г.

— У меня есть младший брат Валерий Васильевич Журавлев. Доктор исторических наук, профессор. Тоже живет и работает в Москве, заведует кафедрой истории в областном Педуниверситете имени Крупской.

— *Значит, Вы с братом пошли дальше родителей, стали первым поколением, получившим и образование, достигшим определенных успехов на научном поприще?*

— Да. Если так считать, то я — интеллигент в первом поколении.

— *Но ведь если рассматривать понятие «интеллигентность» шире, то оно не обязательно должно включать в себя условие — образование и профессиональное занятие интеллектуальной деятельностью?*

— Совершенно верно! Мои родители были людьми, обладавшими внутренней культурой, тактом, деликатностью, безграничной добротой. А это и есть для меня важнейшие признаки интеллигентности.

— *Как у Вас появилась тяга к науке? Почему Вы выбрали этот путь?*

— Трудно сказать... В школе очень много читал, увлекался историей, литературой, философией. Даже попытался читать и конспектировать «Эстетику» Гегеля в восьмом классе.

По окончании школы поступил на исторический факультет Оренбургского пединститута. Учился все студенческие годы на «отлично», был сталинским стипендиатом. Прочитал Указ Председателя Президиума Верховного Совета СССР, что сталинские стипендии присуждаются наиболее выдающимся студентам, и очень гордился этим. Выступал с докладами на студенческих научных конференциях.

По окончании института был рекомендован в аспирантуру и поступил вначале на кафедру истории КПСС Московского госпединститута им. В. И. Ленина. По скромности полагал, что, не имея базового образования, я не могу учиться в аспирантуре на философской специальности. Но потом осознал, что если я не уйду с кафедры истории КПСС, то это будет одной из серьезнейших ошибок в моей жизни. Историки партии

в советские времена были самым догматическим отрядом советских обществоведов.

Попытался через полгода уйти на кафедру философии, так как уже занимался в философском семинаре. Первый раз ректорат мне отказал. Но через 2–3 месяца я попытался сделать это опять, и меня перевели на кафедру философии. Это один из самых правильных шагов в моей жизни!

— *Вы совершали этот переход тихо-мирно, не обвиняя историков, или все же выказывали им свою оценку?*

— Нет, прямо я говорил о том, что думал. И шел на это сознательно.

— *Кто был Вашим научным руководителем на кафедре философии?*

— Известный культуролог, ныне, увы, уже покойный, мой старший друг, профессор Элеазар Александрович Баллер. В 1987 г. я в последние дни его жизни навещал его в онкологическом центре. Очень благодарен ему за поддержку в науке, за все, что объединяло нас.

— *Какую проблему Вы выбрали в качестве темы кандидатской диссертации?*

— Проблему относительной самостоятельности общественного сознания. Это была попытка внести свой скромный вклад в процесс обновления философской науки после XX въезда КПСС, в процесс освобождения ее от догм, штампов. Пафос этой диссертации и первой моей монографии состоит в том, что духовная жизнь общества живет по своим внутренним, относительно самостоятельным законам. Я пытался показать и доказать, в чем и как они обнаруживаются.

По материалам диссертации, которую я досрочно защитил в Московском пединституте им. Ленина в 1956 г., я опубликовал в 1961 г. свою первую монографию. Она была замечена, и на нее вышли положительные рецензии в «Вопросах философии» и даже в «Венгерском философском журнале». Я вскоре поехал в Болгарию и в книжном магазине увидел эту свою книгу. Специально купил ее со штампом магазина.

С тех пор общественное сознание, духовная жизнь, культура стали стержневой те-

мой моих научных работ. Этому посвящены мои монографии, статьи. Были и «ответвления», но магистраль оставалась неизменной.

Докторская диссертация была посвящена общественному сознанию советского общества. Конечно, теперь, с позиции сегодняшнего дня, понимаю, что в ней много желаемого, которое казалось действительным. Но выявлены и некоторые реальные тенденции духовной жизни советского общества.

Мое отношение к советскому обществу примерно такое же, как и у нашего ректора Игоря Михайловича Ильинского. Советское общество — это конкретно-историческая цивилизация, которая была отягощена преступлениями, репрессиями, но вместе с тем и выдала миру нечто, что можно было развивать, укреплять. Все это было погублено, увы, бездарным партийным руководством последнего периода.

Соответственно, я также отношусь и к советской культуре. Это определенный тип культуры, в котором было много завоеваний, достижений. Но опять же, увы, губила установка: культура — не цель, а средство для решения каких-то других, «более важных» проблем. Но ведь никаких других более важных проблем быть не может. Культура — величайшая ценность человека, человечества.

Вот все это я и пытался показать в докторской диссертации, которую защитил в 1966 г. уже в Ростове-на-Дону. Это была первая защита докторской по философии во вновь организованном там диссертационном совете. Защитил рано, когда мне было всего 35 лет. Говорили, что я один из самых молодых докторов философских наук в стране.

— *Вы с ностальгией вспоминаете советские времена?*

— Да, ностальгия есть. Но я понимаю, что к этому никак нельзя возвращаться. Ностальгия есть у всех людей моего поколения, потому что это годы нашей молодости. Жизнь казалась прекрасной, негатива мы не видели... Меня не репрессировали, я никогда не был диссидентом. Я считал, что моя задача — служить советскому обществу, системе

образования, которая во всем мире была признана одной из лучших.

После окончания аспирантуры в 1966 г. я был направлен в пединститут Ростова-на-Дону, где проработал до февраля 1968 г. Тогда по решению Ростовского обкома КПСС был назначен заведующим кафедрой научного коммунизма в Институте повышения квалификации преподавателей общественных наук при Ростовском университете. По всей стране в это время по решению Центрального Комитета партии были созданы новые институты повышения квалификации. Сначала ИПК были только в Москве и Киеве. Потом были созданы при Ростовском, Ленинградском, Новосибирском, Уральском университетах и т. д. И вот я стал заведующим кафедрой в 1968 г.

До этого был еще один интересный эпизод в моей жизни. Мне было 30 лет, я был кандидатом наук, доцентом и еще работал в Ростовском пединституте. И вдруг меня решили сделать заведующим отделом науки и высших учебных заведений Ростовского обкома КПСС. Вы представляете, какой это масштаб работы? Ростовская область — область большой науки, известных всей стране вузов. И я — тридцатилетний, зеленый!.. Меня утвердили на бюро обкома, я должен был на следующий день лететь в Москву на утверждение в ЦК КПСС. Провел долгую бессонную ночь. Утром пришел к секретарю обкома и сказал: «Нет. Мой удел — работать в вузе, преподавать, писать книги». Так и не состоялась моя партийная карьера.

— *Этот эпизод Вы рассматриваете как определяющий, когда приняли окончательное решение, что Вы — преподаватель?*

— Да. Я всю жизнь работаю только в вузах. Я — вузовский человек. Если бы мне предложили работу в научно-исследовательском институте даже такого уровня, как Институт философии РАН, я бы отказался. В этих гуманитарных НИИ есть две категории людей. Есть тонкий слой очень одаренных людей, которые составляют гордость нашей отечественной науки, которые много работают, публикуются. А есть масса без-

дельников, которые за год напишут 1–2 статьи, два дня в неделю бывают в институте и обмениваются новостями, сплетнями, развлекаются. Это не для меня.

Я не могу жить без шумной, временами даже бестолковой атмосферы вуза, гула студенческих голосов на перерывах, без многолюдства, без лекционных аудиторий. Когда я начинаю читать лекцию, то в любой аудитории вижу несколько пар глаз, по которым я оцениваю, что и как делаю.

За всю жизнь это мое третье место работы. С 1956 по 1968 г. я работал в пединституте Ростова-на-Дону, с 1968 по 1982-й заведовал кафедрой в ИПК при Ростовском университете, и с февраля 1982 года по сей день я здесь — в ВКШ, Институте молодежи, Московской гуманитарно-социальной академии, Московском гуманитарном университете.

— Как Вы перебрались в Москву?

— Меня пригласил ректорат. Но до этого был тоже любопытный эпизод, о котором я вспоминаю.

В 1979 г. меня пригласили работать профессором кафедры теории идеологической работы Академии общественных наук при ЦК КПСС. Это было престижно. Но я подумал и отказался. Тогда для Москвы еще не созрел. Хотя главная причина, пожалуй, была в узком профиле кафедры. Это меня смущало. Одно дело работать на кафедре философии или даже научного коммунизма, а тут — теория идеологической работы. Высокий партийный уровень этого учреждения тоже смущал. Мне казалось, что я буду ограничен в своей научной деятельности партийным заказом и от чего-то в себе я должен буду отказаться. Но прошло еще два года, и меня пригласили в ВКШ.

— К этому моменту Вы уже созрели для Москвы?

— Да, как-то захотелось перемен. Поначалу моя жена тоже была против переезда в Москву.

О ней я скажу особо. Сейчас Елена Иннокентьевна Диброва — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой

современного русского языка в Открытом педагогическом университете имени М. А. Шолохова. Руководит на данный момент завершением работы кафедрального коллектива над словарем «Язык произведений М. Шолохова». Познакомились мы с ней в Ростове, где она тоже преподавала в пединституте. Она была против первого московского приглашения. Но когда меня пригласили в ВКШ, она уже не возражала. Видела, что я томлюсь, что Ростов для нас маловат.

Сейчас уже я думаю, что Москва дала ей больше, чем мне. Если я и приобрел какое-то имя в науке, если приходилось встречать в литературе парные прилагательные «известный ученый» о себе, то это я заработал, еще живя в Ростове. А вот Елена Иннокентьевна в Москве расцвела и без преувеличения стала известным ученым в языкознании.

— У Вас с супругой есть совместные работы?

— Нет, у нас этого не было. Все-таки философия и языкознание — разные вещи. Но она говорит, что я ей в жизни помогал в решении методологических проблем. Мы с ней люди одинакового уровня, одинаковых интересов и ценностных ориентаций.

— В МосГУ Вы работаете 22 года и видите все изменения в жизни учебного заведения, которые пришлось на последние годы. Какими наблюдениями Вы можете поделиться?

— Конечно, изменения произошли огромные. В своей работе здесь я выделяю два десятилетия.

Первый отрезок — 1982–1992 гг. Безоблачное советское настоящее. ВКШ при ЦК ВЛКСМ — элитарное учебное заведение. Кузница кадров для молодежных организаций всего мира. Сотни слушателей со всех континентов. Приезд к нам руководителей не только молодежных организаций, но и компартий. Зарубежные поездки. Я ездил читать лекции в Венгрию, на Кубу, в комсомольские, республиканские школы — в Киев, Вильнюс, Тбилиси, Ереван, Алма-Ату... Захватывающая жизнь! И все это рухнуло в одночасье...

С 1992 г. начались самые трудные годы как в жизни ВКШ, так и в моей преподавательской жизни. Рухнула старая парадигма преподавания, в основе которой были: приоритет идеологии над наукой, установка на то, что марксизм-ленинизм — единственно правильное учение. Новая парадигма складывалась медленно, мучительно. Что преподавать, как преподавать?.. Невероятно трудные годы.

И студенты сильно изменились. В Высшей комсомольской школе учились отобранные комсомольские функционеры, дисциплинированные, организованные. Может быть, не очень умеющие самостоятельно думать, но энергичные и жизнерадостные.

Сейчас студенты стали более раскованные, свободные. Иногда эта раскованность доходит до хамства. Очень тревожит еще снижающийся с каждым годом уровень подготовки школьников. Есть, конечно, и умные, интеллигентные студенты. На мой взгляд, из тех, кто поступает в вуз, 70–80% все же приходят учиться.

Были 2–3 года в жизни вуза после 1992 г., когда мы чуть было не погибли. Институт хотели растащить по частям. Помню массовое бегство преподавателей. Но я сам считал, что я не имею права убежать. Меня пригласили из Ростова, дали квартиру, прописку, у меня была интересная работа. Это было бы непорядочно. Решил: будь что будет! И хотя были заманчивые предложения работать в МГУ и других вузах, я остался.

Последнее десятилетие — 1994–2004 гг. Постепенно выходим из кризиса под руководством нашего выдающегося ректора и работаем на перспективу. Я об этом говорил в выступлении на торжественном Ученом совете, посвященном 60-летию университета.

— *Что Вы думаете о будущем?*

— По этому поводу люблю цитировать Чехова: «Русские любят прошлое, ненавидят настоящее и боятся будущего». Не могу сказать, что я укладываюсь в эту формулу. Моя первая опубликованная статья называлась «Социализм и культурное наследие». В ней я заложил одну из базовых идей моего мировоззрения, моей деятельности: идею преемственной связи времен, поколений, культур.

Я очень люблю прошлое, его культуру, его историю. Но надо жить настоящим и в настоящем. Конечно, многое настораживает, не ясны перспективы.

— *Но Вы обществовед-педагог. Что Вы сейчас даете студентам?*

— Я говорил о том, что прежняя парадигма преподавания философии разрушена. Но это не значит, что надо тотально ее отрицать. Мы не присоединились к вакханалии отрицания советского опыта преподавания философии, которая присутствовала в публицистике, но не в науке. Марксизм — одна из интеллектуальных высот человечества. Но мы преодолели иконо-молитвенное отношение к Марксу, Энгельсу, Ленину.

Все эти годы мы переходили от монотеретической к плюралистической модели преподавания философских дисциплин, которую пронизываем исходным тезисом: в философии есть вечные вопросы, но нет вечных ответов. Каждое время и поколение вносят свой вклад в осмысление этих вопросов. Ведь философия — это самосознание общества и культуры. Она — дозорный культуры и разведчик будущего. Значит, она всегда есть и всегда будет, пока есть человек в мире и мир человека.

Беседовала
Ч. К. ДАРГЫН-ООЛ